

ниями имеет видовую пару (глагол совершенного вида *пойти*). В китайском языке в подобных случаях используется один эквивалент – и для совершенного, и для несовершенного вида. Эти лексико-семантические варианты (ЛСВ) глагола можно разделить на 3 группы в зависимости от того, какой эквивалент имеется в китайском языке.

К первой группе относятся ЛСВ, для которых в несовершенном виде эквивалентом выступает другой глагол – [*цюй*] или [*чу*]: «2. Направляться, отправляться куда-л. с какой-л. целью», например: *Идти гулять. – Пойти гулять.* «21. Вступать в брак (о женщине)», например: *Идти замуж. – Пойти замуж.*

Ко второй группе относятся такие ЛСВ глагола, которые соотносительны в китайском языке со словосочетанием [*юн юй*]: «16. Предназначаться, использоваться, употребляться для чего-л.», например: *Идти на экспорт. – Пойти на экспорт.*

К третьей группе относится ЛСВ, который имеет эквивалент такой же, как первое значение [*цзоу*] в китайском языке: «22. Делать ход в игре», например: *Идти конем. – Пойти конем.*

Таким образом, наблюдается однородная картина соотносительности лексико-семантических вариантов русского глагола с китайскими эквивалентами. В большинстве случаев содержательный эквивалент в китайском языке находится для глаголов несовершенного вида. В связи с этим следует отметить важность изучения данного явления для практики преподавания языков, а также для лексикографической практики.

А. С. Кузнецова
студентка исторического факультета
Уральского государственного педагогического университета
Екатеринбург

Китай, Европа и Россия в работах А. М. и Д. М. Позднеевых

Контакты между Россией и Китаем имеют длительную историю. Дальний Восток, центром которого очень долгое время являлся Китай, всегда входил в сферу внешнеполитических интересов России. Во второй половине 90-х гг. XIX в. и первые годы нового столетия Дальний Восток

стал фактически центром внешней политики России. Это выразилось в строительстве Великой Сибирской железной дороги, активизации российской экспансии в Китае (деятельность Русско-Китайского банка, проведение КВЖД и ЮМЖД, приобретение на правах аренды незамерзающих океанских портов), перемещении в регион значительной части военноморского флота и некотором наращивании сухопутных сил. Пристальное внимание российского правительства привлекла также японо-китайская война 1894–1895 гг., а в событиях 1898–1900 гг., известных в Европе как «боксерское восстание», Россия приняла непосредственное участие.

В российском обществе интерес к Китаю в этот период тоже усилился. На страницах журналов «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русский гражданин» и других обсуждались проблемы состояния и развития Китайской империи в условиях ее европеизации, особенности этой страны, ее будущая роль в мире. Много говорилось также о месте России в ряду европейских государств, ставился вопрос о степени ее влияния на Китайское государство. Особое внимание общественности вызывали высказывания по данным проблемам профессиональных востоковедов. К таковым, например, относились братья А. М. и Д. М. Позднеевы.

Оба брата окончили китайско-маньчжурско-монгольский разряд факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Алексей Матвеевич (1851–1920) являлся директором Восточного института во Владивостоке с 1899 г. по 1903 г., преподавал маньчжурский язык, изучал литературу, историю, религию, этнографию монгольских народов. В путешествиях по Монголии занимался также вопросами русско-китайских торговых отношений. Дмитрий Матвеевич (1865–1937) в начальный период своей научной деятельности интересовался главным образом историей и экономикой Китая, написал ряд работ по древней истории Китая, истории уйгуров, экономический очерк о Монголии, а также пособие по экономической географии стран Дальнего Востока. В 1900–1903 гг. находился в Китае, составил экономические обзоры торговли китайских портов. Как и старший брат, был директором Восточного института во Владивостоке (1904–1906 гг.).

Позднеевы в своих работах поднимали важную проблему влияния европейской культуры на Китай. Д. М. Позднеев рассматривал расширение Срединной империи и усиленное движение на восток европейцев в XIX в. как причину преодоления китайской замкнутости. Ориенталист определял форму знакомства Китая и Европы как мирную, выражающуюся в торгово-промышленных отношениях. А. М. Позднеев писал, что наибольшее соприкосновение двух цивилизаций, европейской и китай-

ской, началось после второй опиумной войны, или, согласно автору, «союзной войны 1858 г.», и считал, что трактовка этой войны как «насилия, предпринятого европейцами с целью принудить Китай к допущению развития в нем торговли и религии, которое он не хотел и имел полное право не принимать»¹, неверна. Он указывал, что ни одну нацию невозможно принудить к принятию нежелательной для религии или торговли. А китайцы – нация торговая, всегда желавшая и желающая вести дело с иностранцами, уважающая также и христианство. Война состоялась из-за действий «высокомерного и столь же самолюбивого, сколько и консервативного класса мандаринов»², стремившегося не допустить и всячески изгнать иностранное влияние на народ. Именно этот класс возбуждал у простых китайцев негативное отношение к европеизации, хотя те были к последней всегда апатичными и индифферентными. «Не без воли Пекина издаются, таким образом, все те прокламации, которыми возмущает народ его страшное и всесильное чиновничество»².

Говоря о развитии отношений Европы и Китая, востоковеды затрагивали вопрос о степени и особенности европеизации Китая. «Первенствующую роль во всей новейшей истории Китая играет вопрос о взаимоотношении двух культур, европейской и китайской, западной и восточной»³, – писал Д. М. Позднеев, ставя, таким образом, вопрос о борьбе за преобладание двух цивилизаций в рамках Китайского государства. Дмитрий Матвеевич отмечал, что европейские идеи получили распространение в духовной жизни Китая: христианство способствовало ознакомлению Китая с Западом, а китайские мусульмане «являются проводниками вглубь Китая европейской культуры»⁴, так как поддерживают связи со своими единоверцами в Индии, Западной Азии и Азиатской России.

О роли мусульман в европеизации Китая писал и В. П. Васильев. Последний полагал, что уйгуры и тангуты переродят Китай, поскольку они имеют влияние в стране благодаря распространению своей религии и являются при этом носителями западных идей⁵. Указывал этот автор и на

---

¹ Позднеев А. М. О последнем китайском восстании в Юго-Восточной Монголии и причинах противохристианских восстаний в Китае вообще. СПб., 1896. С. 14.

² Там же. С. 20.

³ Позднеев Д. М. Основные течения государственной жизни Китая в XIX веке. СПб., 1897. С. 3.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ См.: Васильев В. П. Магометанство в Китае // Открытие Китая и другие статьи академика В. П. Васильева. СПб., 1900. С. 106–138.

распространение западного влияния в административных и правительственных учреждениях.

Но европейскому торжеству, по мнению Д. М. Позднеева, в Китае имеется противостояние: «во-первых, прочность и устойчивость начал, созданных китайской культурой в каждом отдельном китайце, во-вторых, необычайная величина как китайского государственного организма, так и сфер китайской жизни»⁶. Поэтому европейское влияние – лишь *тьень* в Китайском государстве. «Сношения с европейцами, по мнению всякого истинного китайца, – неизбежное зло, которому нельзя не подчиняться, когда это оказывается необходимым, но избавление от которого, при малейшей возможности, дает истинное наслаждение. Легко видеть силу нации, горящей подобными чувствами»⁷.

Алексей Матвеевич Позднеев указывал, что европейское влияние в Китае очень велико: «Раз познакомившись с Европой и восприняв от нее военное устройство, Китай, очевидно, не остановится на этом... мало-помалу он усвоит себе все новейшие усовершенствования и открытия в области физики, химии, механики, технологии и т. д.»⁸. Но, считал А. М. Позднеев, китайцы будут заимствовать достижения только в материальной сфере, так как у европейцев Китаю нечего усвоить в социальных отношениях.

Анализируя взаимоотношения Европы и Китая, Позднеевы в своих работах отводили России особое место. «Ощущался бы большой недочет в характеристике жизни Дальнего Востока, если бы игнорировать еще один исторический фактор, влияние которого в Азии чувствуется в последние десятилетия все сильнее и сильнее, а в недалеком будущем обещает стать одним из важнейших. Я говорю о влиянии России...», – писал Д. М. Позднеев⁹, а его брат А. М. Позднеев подчеркивал, что у китайцев имеется особая любовь к русским, так как «Россия никогда не шла и не должна идти по торной, но грязной дороге европейцев: она имеет свою историю отношений к Китаю и свои задачи на Востоке, которые совершенно различны от задач Европы. Китай всецело сознает это»¹⁰. Автор делает вывод, что Россия может рассчитывать в будущем на широкое развитие своих сношений с Китаем.

---

⁶ Позднеев Д. М. Основные течения государственной жизни Китая в XIX веке. С. 16.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Позднеев А. М. Об отношениях европейцев к Китаю. Речь, прочитанная на акте Санкт-Петербургского университета 8-го февраля 1887. СПб., 1887. С. 30–31.

⁹ Позднеев Д. М. Основные течения государственной жизни Китая в XIX веке. С. 22.

¹⁰ Позднеев А. М. Об отношениях европейцев к Китаю ... С. 33.

Д. М. Позднеев, основываясь на том, что китайцы очень консервативны, предположил, что в сфере торговли они будут более доверять «репутации товара», чем его цене, поэтому, по мнению ученого, у русско-китайской торговли большое будущее, так как в Китае у русских купцов особый авторитет. Причину хороших отношений Д. М. Позднеев видит, ссылаясь на работы французского социолога Ж. Э. Реклю, в том, что русские, в отличие от европейцев, понимают народы Востока. Впрочем, через несколько лет, став очевидцем пекинских событий 1900 г., он напишет: «Русские почему-то льстят себя надеждою, будто к ним китайцы относятся лучше, нежели к другим народностям. За все время пребывания в Китае я не нашел ни одного подтверждения этого взгляда и думаю, что нелюбовь к иностранцам, общая у китайцев, с такой же силою распространяется и на русских, как и на другие народности»¹¹.

Таким образом, размышляя о Китае и его отношениях с европейскими странами, русские востоковеды поднимали главные для них вопросы: о роли России в мире; о ее месте среди европейских стран; о ее позиции на Дальнем Востоке. России ученые уделяли особое внимание, при этом они либо отождествляли Российскую империю с европейскими странами, либо противопоставляли ее им. Китай в данном случае выступал в роли некой модели для сравнения. Обращение к проблеме восприятия китайцами России, трактовка этого восприятия позволяют обозначить русское влияние на Дальнем Востоке.

К. Б. Лозовская

*студентка факультета международных отношений
Уральского государственного университета
Екатеринбург*

Китайский режиссер У Тяньмин

Процесс развития китайского кинематографа состоит из нескольких этапов.

Первый этап – «Освоение целины» (1905–1931 гг.).

В течение почти 30 лет китайские кинематографисты занимались «освоением целины», пройдя нелегкий путь становления от существова-

---

¹¹ Позднеев Д. М. 56 дней пекинского сидения в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца. СПб., 1904. С. 9.